

Энтони Троллоп

УСТАНОВЛЕННЫЙ СРОК

Эпоха научной романтики

Эпоха научной романтики

Энтони Троллоп
Установленный срок

«Автор»

2023

Троллоп Э.

Установленный срок / Э. Троллоп — «Автор», 2023 — (Эпоха научной романтики)

Энтони Троллоп - английский писатель, один из наиболее успешных и талантливых романистов Викторианской эпохи. В произведениях Троллопа отразились проблемы его времени - политические, социальные и семейные. В изображении нравов писатель выступал как наследник традиций английских писателей-юмористов XVIII века. "Установленный срок" - единственное произведение Троллопа в жанре антиутопии. Концепция Установленного срока стала повторяющейся темой в художественной литературе 20-го века - например, в романе Айзека Азимова 1950 года "Камешек в небе". Уверен, что данная книга займет достойное место с выдающимися авторами-фантастами, такими как Оруэлл, Хаксли и Брэдбери.

© Троллоп Э., 2023

© Автор, 2023

Содержание

Том I.	5
Глава I. Вступление	5
Глава II. Габриэль Красвеллер	11
Глава III. Первая проблема	18
Глава IV. Джек Невербенд	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Энтони Троллоп

Установленный срок

Том I.

Глава I. Вступление

Можно усомниться в том, что британские колонисты когда-либо заселяли более солнечную, процветающую и, в особенности, более опрятную колонию, чем Британула. У нее был свой период отдаления от метрополии, хотя при этом не было восстаний, как у ее старшей сестры Новой Зеландии. Действительно, в этом отношении она просто следовала примеру, данному ей Австралией, которая, когда создавала своё собственное государство, делала это при полном сотрудничестве Англии. У нас, без сомнения, была особая причина, которой не существовало в Австралии, и которая не была полностью понята британским правительством, когда нам, британульцам, было позволено действовать самостоятельно. Великое учение о "Установленном сроке" было воспринято ими сначала с насмешкой, а затем с ужасом, но, несомненно, именно сильная вера, которую мы, британульцы, питали к этому учению, привела к нашему отделению. Ничто не могло стать более успешным, чем наши попытки жить в одиночестве в течение тридцати лет, в ходе которых мы оставались самими собой. Мы не отказывались от долгов, как это сделали некоторые из наших соседей, и не предпринималось никаких попыток к построению коммунизма, как это было в других случаях. Мы были трудолюбивы, довольны и процветали; и если метрополия вновь поглотила нас, в соответствии с тем, что я не могу не назвать малодушным поведением некоторых из наших старейших британульцев, то это произошло не из-за какой-либо неудачи со стороны острова, а из-за оппозиции, которая оспорила Установленный срок.

Я думаю, что должен начать свой рассказ с объяснения понятным языком некоторых очевидных преимуществ, которые будут сопутствовать введению Установленного срока во всех странах. Что касается закона, то он был принят в Британуле. Его принятие было первым вопросом, что обсудила наша молодая Ассамблея, когда мы стали самостоятельными, и хотя по этому поводу возникали споры, ни в одном из них не было высказано возражений против системы. Я сам, в возрасте тридцати лет, был избран спикером этой Ассамблеи. Но, тем не менее, я смог обсудить достоинства законопроектов в комитете, и сделал это с некоторым энтузиазмом. С тех пор прошло тридцать лет, и мой срок приближается. Но я по-прежнему энергичен, как и всегда, и уверен, что доктрина в конечном счете восторжествует над всем цивилизованным миром, хотя я признаю, что люди еще не созрели для этого.

Установленный срок уже обсуждался настолько подробно, что мне практически не нужно объяснять его принципы, хотя его преимущества могут потребовать нескольких слов аргументации в мире, который в настоящее время не поддается его очарованию. Она заключается в полном устранении страданий, слабости и жалкого маразма старости путем заранее оговоренного прекращения жизни тех, кто в противном случае стал бы стариком. Нужно ли объяснять жителям Англии, для которых я в основном пишу, насколько велики эти страдания и насколько велика стоимость той старости, которая не в состоянии в какой-либо степени обеспечить свои собственные потребности? Мы, британульцы, утверждаем, что такая старость не должна быть допущена. Ее следует предотвратить, в интересах как молодых, так и тех, кто становится старым, когда он вынужден жить после окончания времени трудов. Человечество совершило две ошибки по отношению к своей собственной расе, – во-первых, позволив миру быть обрече-

ненным постоянным содержанием тех, чьи заботы должны были прекратиться, и чьи проблемы должны были закончиться. Разве не то же самое говорит Псалмопевец: "дни лет наших в нихже семьдесят лет, аще же в силах, осмьдесят лет, и множае их труд и болезнь". И второе – требование к тем, кто остался – жить бесполезной и мучительной жизнью. Обе эти ошибки произошли от непродуманной и необдуманной нежности, – нежности к молодым, не призывающей их обеспечить достойный и комфортный уход в вечность своих предков; и нежности к старикам, чтобы человек, когда он не обучен и не знает добра и зла, не захотел покинуть мир, для которого он не приспособлен. Но такая нежность не более, чем непростительная слабость. Статистика говорит нам, что достаточное пропитание старого человека обходится дороже, чем пропитание молодого, – так же как и уход, питание и воспитание еще неокрепшего ребенка. Статистика еще говорит нам, что нерентабельные дети и не менее нерентабельные старики составляют треть населения. Пусть читатель задумается о том, какое бремя лежит на плечах всего мира. К ним следует добавить всех, кто из-за болезни не может работать, а из-за безделья – не хочет. Как может процветать народ при таком бремени? И ради чего? Что касается детей, то они, безусловно, необходимы. Их нужно кормить, чтобы они могли хорошо трудиться, когда придет их время. Но для чьего блага старики и дряхлые люди должны поддерживаться среди всех этих бед и несчастий? Если бы в нашем парламенте был хоть один человек, способный показать, что он может разумно желать этого, законопроект не был бы принят. Хотя для меня политико-экономический взгляд на этот вопрос всегда был очень сильным, облегчение, которое должно быть принесено пожилым людям, было единственным аргументом, на который нельзя было возразить.

Некоторые из тех, кто выступал против нашего движения, утверждали, что самим старикам это не понравилось бы. Я никогда не был уверен в этом, да и сейчас не уверен. Когда колония привыкнет к системе Установленного срока, старые привыкнут так же, как и молодые. Следует понимать, что для них должна была быть подготовлена эвтаназия, и скольких живущих ныне людей ожидает эвтаназия? И они ушли бы с полным уважением всех своих сограждан. Кому из них выпал такой жребий? В последние годы своей жизни они должны были быть спасены от любых ужасов нищеты. Скольким сейчас не хватает удобств, на которые они не могут заработать сами? И у них не возникло бы унижающего чувства, что они являются получателями благотворительности. Они были бы подготовлены к уходу на благо своей страны, окружены всеми удобствами, необходимыми в их возрасте, в специальный колледж, содержащимся за государственный счет; и к каждому, по мере приближения счастливого дня, относились бы с еще большим уважением. Я сам тщательным образом изучил вопрос расходов и обнаружил, что с помощью создания таких колледжей мы перестали бы нести убытки. И мы должны были сэкономить в среднем по 50 фунтов стерлингов на каждого ушедшего мужчину и женщину. Когда наше население достигло бы миллиона, предполагая, что только один из пятидесяти достиг бы желаемого возраста, сумма, фактически сэкономленная колонией, составила бы 1000000 фунтов стерлингов в год. Это избавило бы нас от долгов, позволило бы сделать нам собственные железные дороги, сделать все наши реки судоходными, построить мосты и вскоре сделало бы нас богатейшими людьми на Божьей земле! И это было бы достигнуто с помощью меры, приносящей больше пользы пожилым людям, чем любому другому общественному классу!

Против нас было использовано множество доводов, но все они были тщетны и бесполезны. В качестве аргумента была привлечена религия, и в обсуждениях этого вопроса было введено ужасное слово "убийство". Я помню, как поразил Палату представителей, запретив кому-либо из членов использовать фразу, столь отвратительную для достоинства народа. Убийство! Задумывался ли тот, кто пытался отпугнуть нас нецензурной бранью, о том, что убийство, чтобы стать таковым, должно противоречить закону? Это же действие должно было совершаться по закону. Значит это не является убийством. Если убийцу повесят, я имею в виду в Англии, ибо у нас в Британуле нет смертной казни, разве это убийство? Это не так, только

потому, что это установил закон. Мне и нескольким другим представителям удалось, наконец, прекратить употребление этого слова. Затем они заговорили с нами о Мафусаиле и попытались привести аргумент про возраста патриархов. Я спросил их в комитете, готовы ли они доказать, что 969 лет, о которых говорится в Бытие, были такой же мерой времени, как 969 лет сейчас, и сказал им, что если санитарные условия мира снова позволят людям жить так же долго, как патриархи, мы с радостью изменим Установленный срок.

Фактически, против нас не было сказано ни слова, кроме тех, которые касались чувств молодых и старых. Чувства изменчивы, сказал я им на той великой и славной встрече, которую мы провели в Гладстонополисе, и хотя от природы ими управляют только инстинкты, в конце концов они будут обучены подчиняться разуму. Недавно я прочитал, как в Англии чувствам позволили встать на пути великого дела кремации. Сыну не понравится, говорите вы, вести своего отца в специальный колледж. С чего вы взяли, что ему не должно нравиться это сделать? А если так, то разве разум не научит его любить делать то, что он должен сделать? Я с восторгом представляю себе, с какой гордостью, с какой честью, с какой привязанностью я мог бы, когда наступит время, привести своего отца в колледж, чтобы он там в течение двенадцати месяцев наслаждался подготовкой к эвтаназии, которую не позволят нарушить никаким заботам этого мира. Все существующие представления о могиле будут отсутствовать. Не будет никаких дальнейших попыток продлить время страданий, которые создала сама природа. Искушение молодых ущемлять стариков из-за дорогостоящих удобств, которые они не смогли еще заработать, больше не будет поощряться. Молодой человек будет гордиться тем, что имя его родителей на все времена занесено в светлые книги колледжа, который будет создан для Установленного срока. У меня есть собственный сын, и я тщательно воспитал его, чтобы он с нетерпением ждал того дня, когда он внесет меня туда, как самую большую гордость в своей жизни. Обстоятельства, о которых я расскажу в этой истории, несколько помешали ему в этом, но он, я верю, еще вернется к правильному образу мыслей. То, что я никогда не проведу этот последний счастливый год в стенах колледжа, является для меня, с моей же точки зрения, самой печальной частью возвращения нашего острова Англии в статусе колонии.

Мои читатели поймут, что я энтузиаст. Есть реформы настолько великие, что человек просто не может не быть энтузиастом, когда он принял в свою душу истину любого улучшения для человека. Увы мне! Я никогда не доживу до того, чтобы увидеть, как будет осуществлена слава этой идеи, которой я посвятил лучшие годы своей жизни. Колледж, построенный под моим покровительством в качестве подготовки к счастливому отходу в мир иной, будет превращен в торговую палату. Те старики, которые, как я верю, с нетерпением ожидали наступления дня своего наивысшего величия, были отпущены на волю и получили возможность снова погрязнуть в мыслях о мирском среди праздности не приносящих радости лет. Наши мосты, наши железные дороги, наше правительство более не обеспечены бюджетом. Наши молодые люди снова становятся вялыми под навязанным им бременем. По правде говоря, я ошибался, думая, что столь великая реформа может быть доведена до совершенства в дни первых реформаторов. Божественная идея должна стать привычной для умов людей путем частого обсуждения, прежде чем она будет признана нужной для человечества. Разве первые христиане не страдали от несчастий, нищеты и мученичества? Сколько веков потребовалось для мира, чтобы побудить его осудить еще не отмененную идею рабства? А цари, лорды и епископы все еще продолжают обременять землю! Какое право имел я тогда, первый из подвижников Установленного срока, надеяться, что доживу до осуществления своей идеи или что мне будет позволено уйти из жизни в числе первых славных обладателей ее преимуществ?

Представляется абсурдным утверждение, что если бы такой закон действовал в Англии, то Англия не препятствовала бы его принятию в Британуле. Это само собой разумеется. Но именно потому, что в Англии еще живы старики, в Британуле страдают молодые, – и молодые, и старые. Премьер-министру на Даунинг-стрит было семьдесят два года, когда нам запре-

тили осуществлять наш проект, а министру по делам колоний – шестьдесят девять. Если бы они жили среди нас, и если бы нам позволили использовать нашу мудрость без вмешательства дряхлой старости, где бы они были? Я хочу со всем уважением отозваться о сэре Уильяме Гладстоне. Когда мы назвали в его честь нашу столицу, мы знали о его превосходных качествах. Он не обладает красноречием своего прадеда, но он, как нам говорят, надежный человек. Что касается министра по делам колоний короны, одной из которых, увы, снова стала Британула, то я, признаться, не считаю его великим государственным деятелем. Нынешний герцог Хэтфилд не обладает такой лихостью, как его дед, если и обладает чем-то от него, то не более чем благоразумием. Он был избран в нынешнюю Верхнюю палату как сильный антиклерикальный либерал, но у него никогда не хватало духа быть настоящим реформатором. Именно благодаря чувствам, которые, несомненно, наполняют грудь этих двух противников Установленного срока, доктрина Установленного срока на некоторое время угасла в Британуле. Печально думать, что сила, интеллект и дух мужественности должны быть таким образом побеждены той самой невежественностью, которую они хотят изгнать из мира.

Два года назад я стал президентом той страны, которую мы с гордостью называли восходящей Республикой южной части Тихого океана. И, несмотря на всю внутреннюю оппозицию, колледж Установленного срока был уже завершен. Затем я получил жестокое уведомление от британского правительства о том, что Британула перестала быть независимой и снова была поглощена метрополией вернувшись в ряд колоний короны. Как была воспринята эта информация, и с какой мягкотелостью отнеслись к ней британульцы, я сейчас и расскажу.

Признаюсь, что я, например, поначалу не был готов подчиниться. Мы были маленькими, но независимыми и подчинялись Великобритании не больше, чем Соломоновы островам или Отагейту. Мы сами должны были принимать свои законы, и до сих пор мы принимали их в соответствии с институтами и, должен сказать, предрассудками так называемой цивилизации. Теперь мы сделали первую попытку выйти за эти пределы, и нас тут же остановила глупая темнота стариков, которых, если бы Великобритания понимала свои интересы, она бы уже заставила замолчать с помощью закона Установленного срока. В истории мира, как она уже написана, нет более яркого случая неоправданной тирании. Но мои братья-британульцы не согласились со мной в том, что в интересах предстоящих споров наш долг – скорее умереть на своем посту, чем поддаться угрозам герцога Хэтфилда. Одна британская канонерская лодка, заявили они, в гавани Гладстонополиса заставит нас подчиниться порядку. Какому порядку? 250-тонная паровая машина, без сомнения, могла бы раздавить нас и обрушить на наши головы наш же колледж Установленного срока. Но, как было сказано, капитан канонерской лодки никогда не осмелится отдать приказ, который должен будет совершить столь масштабное разрушение. Англичанин не решится сделать выстрел, который отправит, возможно, пять тысяч его соотечественников на погибель до наступления их Установленного срока. Но в Британуле страх все же сохранялся. Было решено, признаюсь, большинством голосов, что мы должны признать этого губернатора и вновь присягнуть на верность британской короне. Сэру Фердинандо Брауну разрешили высадиться, и по тому ликованию, которое было устроено на первом балу в Доме правительства, как я успел узнать уже после того как покинул остров, как покинул остров, выходило, что британульцы скорее радовались, чем наоборот, своей неволе.

С тех пор прошло два месяца, и мне, изможденному старику, годному только для славы колледжа, ничего не остается, как написать эту историю, чтобы грядущие века увидели, насколько благородными были наши усилия. На сколько суровыми были трудности, которые стояли на нашем пути. Философская истина, на которой основана эта система, была слишком сильной, слишком могущественной, слишком божественной, чтобы быть принятой человеком в эпоху ее первого появления. Но она появилась, и я, возможно, должен быть доволен и удовлетворен в течение тех лет, которые я обречен коротать в бессильной старости, думать, что я

был первым реформатором своего времени, хотя я буду обречен погибнуть, не насладившись её плодами.

Прежде чем начать свой рассказ, я должен объяснить некоторые детали нашего плана, которые вызвали большой раскол между нами. Прежде всего, каким должен быть Установленный срок? Когда группа из трехсот или четырехсот человек впервые эмигрировала из Новой Зеландии в Британулу, мы были почти все молодыми людьми. Мы не хотели соглашаться с мерами в отношении государственного долга, которые грозились принять новозеландские дома; и поскольку этот остров был открыт, и часть его была уже возделана, мы решили отправиться туда. Наше решение было встречено хорошо не только среди некоторых партий в Новой Зеландии, но и в метрополии. Другие последовали за нами, и мы обосновались с большим удобством. Но мы были, по сути, молодой общиной. Среди нас было не более десяти человек, достигших Установленного срока, и не более двадцати, о которых можно было бы сказать, что они приближаются к нему. Никогда не могло наступить время или народ, когда или среди которого эта система могла бы быть опробована с такой надеждой на успех. Прошло так много времени, прежде чем нам позволили встать на ноги, что бы Установленный срок стал предметом всеобщих разговоров в Британуле. Было много тех, кто ждал его как воплощения новой идеи богатства и комфорта, и именно в те дни были сделаны расчеты относительно мостов и железных дорог. Я думаю, что в Англии считали, что немногие, лишь единицы, в нашей среде мечтали об этом. Если бы они верили, что Установленный срок когда-нибудь станет законом, они бы не позволили нам стать законотворцами. Я признаю это. Но когда мы были независимы, то снова подчинить нас 250-тонной паровой машиной было актом грубой тирании.

Каким должен быть Установленный срок? Это был первый вопрос, который требовал немедленного ответа. Возраста были названы абсурдные в своей снисходительности – восемьдесят и даже восемьдесят пять лет! Давайте скажем сто, – сказал я вслух, направляя на них весь заряд своей насмешки. Я предложил шестьдесят, но это предложение было встречено молчанием. Я указал, что живущих сейчас на острове стариков не так уж и много и их могут освободить от выполнения этого закона, и что даже тем, кому за пятьдесят пять, можно позволить влачить свое существование, если они достаточно слабы духом, чтобы выбрать для себя столь унижительное положение. Это последнее предложение было принято сразу, и освобожденные от выполнения закона о Установленный срок не проявили никакого возмущения, даже когда им было доказано, что они останутся в обществе одни и не будут иметь права на почести, и им никогда не разрешат даже войти в чудесные сады колледжа. Сейчас я думаю, что шестьдесят лет – это слишком ранний возраст, и что шестьдесят пять, до которых я изящно уступаю, – это подходящий Установленный срок для человеческой расы. Пусть любой человек посмотрит среди своих друзей, не стоят ли шестидесятипятилетние мужчины на пути тех, кто еще стремится подняться выше в этом мире. Глухой судья должен уступить свое место, когда более молодые люди, стоящие ниже его, могут слышать с абсолютной точностью. Или когда его голос понизился и стал слаб, или его зрение потускнело и ухудшилось. В любом случае, его конечности потеряют всю ту силу и ловкость, которая необходима для адекватного выполнения работы в этом мире. Само собой разумеется, что в шестьдесят пять лет человек уже сделал все, на что был способен. Он больше не должен беспокоиться о труде, а значит, и не должен беспокоиться о жизни. "Все это суета и томление духа", – скажет такой человек, если он все еще храбр и все еще жаждет чести. "Ведите меня в колледж, и там дайте мне подготовиться к той светлой жизни, которая не потребует сил смертных". Мои слова подействовали на многих, и тогда они потребовали, чтобы Установленным сроком стали семьдесят лет.

Как долго мы бились над этим вопросом, сейчас не нужно рассказывать. Но в конце концов мы решили выбрать среднее значение. Шестьдесят семь с половиной лет было названо большинством Ассамблеи Установленным сроком. Конечно, колония должна была по настоящему состариться, прежде чем поступить в колледж. Но тут возник еще один спор. С какой сто-

роны от Установленного срока должен быть начаться год благодати? Наши дебаты даже на эту тему были долгими и оживленными. Говорили, что уединение в колледже будет равносильно отбыванию наказания, и что старики должны таким образом получить последние томительные капли дыхания, отпущенные им без участия мира в целом. В конце концов, было решено, что мужчины и женщины должны поступать в колледж в шестьдесят семь лет, а до шестьдесят восьмого дня рождения они должны покинуть его. Тогда зазвонили колокола, и вся община ликовала, и устраивались банкеты, и юноши и девушки называли друг друга братом и сестрой, и чувствовалось, что среди нас началась великая реформа на благо всего человечества.

Когда законопроект был принят, в Англии об этом мало думали. Я полагаю, что, по мнению англичан, было еще достаточно времени, чтобы подумать об этом. Идея была настолько странной для них, что считалось невозможным, чтобы мы ее осуществили. Они, несомненно, слышали о законопроекте, но я утверждаю, что, поскольку нам было позволено отделиться и жить отдельно, их заботило это не более, чем если бы это было сделано в Аризоне или Айдахо, или в любом из тех западных штатов Америки, которые недавно сформировались в новый союз. Именно от них, несомненно, мы ожидали сочувствия, которого, однако, не получили. Очевидно, мир еще не до конца осознал, что его ждут великие дела. Мы получили, правда, резкий протест от старомодного правительства в Вашингтоне, но в ответ на него мы заявили, что готовы стоять и умирать за новую систему – что мы ожидаем славы, а не бесчестья, и что человечество за нами последует, а не отвергнет нас. Мы вели длительную переписку с Новой Зеландией и Австралией, но Англия сначала не верила нам, а когда ей дали понять, что мы настроены серьезно, она обрушила на нас единственный аргумент, который мог иметь силу, и послала в нашу гавань свою канонерку. Военный корабль, без сомнения, был неотразим – если только мы не были готовы умереть за нашу систему. Я был готов, но я не мог взять с собой народ моей страны.

Теперь я дал необходимую прелюдию к истории, которую мне предстоит рассказать. Я не могу не думать, что, несмотря на консервативные нравы Великобритании, читатели в этой стране в целом должны были познакомиться со взглядами сторонников Установленного срока. Не может быть, что бы система, обладающая такой силой изменять, и, я могу сказать, улучшать, нравы и привычки человечества, была неизвестна в стране, в которой часть жителей, по крайней мере, читает и пишет. Они хвастаются, правда, что ни один мужчина или женщина на Британских островах сейчас не читали моих заметок, но мне сообщили, что их знания редко близки к литературному вкусу. Возможно, часть людей была в неведении о том, что делается в империи в южной части Тихого океана. Поэтому я написал эту предварительную главу, чтобы объяснить им, каково было состояние Британулы в отношении Установленного срока всего за двенадцать месяцев до того, как Англия завладела нами и снова сделала нас своими подданными. Сэр Фердинандо Браун теперь правит нами, надо сказать, не железным жезлом, а по собственной воле. Он произносит цветистые речи и думает, что они заменят независимость. Он собирает свои доходы и сообщает нам, что быть обложенным налогами – высшая привилегия настоящей цивилизации. Он указывает на канонерскую лодку в заливе, когда она приходит, и называет ее божественным хранилищем благодетельной власти. На какое-то время, без сомнения, британская "нежность" возобладает. Но я зря потратил свои мысли и напрасно излил свое красноречие по поводу Установленного срока, если с течением лет он снова не выйдет на передний план и не докажет, что он необходим, прежде чем человек сможет достичь всего того, что ему суждено достичь.

Глава II. Габриэль Красвеллер

Теперь я начинаю свой рассказ. Прошло более тридцати лет с тех пор, как я начал свою агитацию в Британуле. Мы были малочисленным народом, и тогда еще не было благословения отделиться от метрополии, но мы были, я думаю, особенно умны. Мы были теми самыми сливками, которые, так сказать, были сняты с молока жителей обширной колонии, одаренные невероятным интеллектом. Мы были элитой избранного населения Новой Зеландии. Думаю, я могу сказать, что ни один народ, столь хорошо информированный, никогда прежде не приступал к формированию новой нации. Сейчас мне почти шестьдесят лет, я почти готов к поступлению в колледж, который, увы! никогда не откроет двери передо мной, а мне было почти тридцать, когда я начал серьезно относиться к Установленному сроку. В то время моим самым дорогим другом и самым надежным коадьютором был Габриэль Красвеллер. Тогда он был старше меня на десять лет, и, следовательно, теперь может быть зачислен в колледж, если бы колледж существовал. Он был одним из тех, кто привез в колонию мериносовых овец. С большими трудами и затратами он вывез из Новой Зеландии небольшое стадо отборных животных, с которым с самого начала имел успех. Он завладел землями Литтл-Крайстчерч, в пяти или шести милях от Гладстонополиса, и проявил большую рассудительность при их выборе. Более красивого места, как оказалось, для производства говядины и баранины, а также для выращивания шерсти, найти было невозможно. Все, что нужно человеческой природе, было в Литтл-Крайстчерче. Ручьи, орошавшие землю, были прозрачными и быстрыми, и никогда не иссыкали. Земля была особо богата травой, а старые английские фруктовые деревья, которые мы привезли с собой из Новой Зеландии, росли там с таким буйным плодородием, какого, как мне сказали, не знала и родная страна. Он импортировал яйца фазанов, и лососевую икру, и молодых оленей, и чернозобиков, и тетеревов, и этих прекрасных маленьких ольдернейских коров, размером не больше собаки, которые, когда их доят, не дают ничего, кроме сливок. Все это процветало у него необыкновенно, так что о нем можно было сказать, что он попал в цель. Но сына у него не было, и потому, ежедневно обсуждая с ним вопрос о Установленном сроке, я пообещал ему, что именно мне будет суждено отдать его на хранение в священный колледж, когда наступит день его ухода. Он был женат еще до того, как мы покинули Новую Зеландию, и был бездетен, когда устроил для себя и своей жены усадьбу в Литтл-Крайстчерче. И там, через несколько лет, у него родилась дочь, и я должен был помнить, когда обещал ему этот последний акт дружбы, что муж этого ребенка должен будет с сыновней почтительностью выполнить для него ту работу, которую я взял на себя.

Много очень интересных бесед было между мной и Красвеллером на эту важную тему, которая захватила наши сердца. Он, несомненно, был сочувствующим и с удовольствием рассказывал обо всех тех преимуществах, которые принесет миру раса человечества, ничего не зная о немощной старости. Он видел красоту теории так же, как и я сам, и часто говорил о слабости той притворной доброты, которая боится начать новую процедуру в отношении чувств мужчин и женщин старого мира.

– Может ли кто-нибудь любить другого больше, чем я тебя? – сказал я ему с энтузиазмом. – и все же, разве я мог бы колебаться в том, чтобы отдать тебя в колледж, когда придет день? Я бы проводил тебя туда с тем совершенным почтением, которое невозможно, чтобы молодые испытывали к старым, когда те становятся немощными и недееспособными.

Теперь я сомневаюсь, нравились ли ему эти намеки на его собственный уход. Он избегал бесед о своем частном случае и делал широкие обобщения о каком-то будущем времени. И когда пришло время голосования, он, конечно, проголосовал за семьдесят пять. Но я не обиделся на его решение. Габриэль Красвеллер был моим самым близким другом, и, когда его

дочь подросла, я сожалел, что мой единственный сын еще недостаточно взрослый, чтобы стать ее мужем.

Ева Красвеллер была, я думаю, самым совершенным образцом юной женской красоты, который я когда-либо видел. Я еще не видел тех английских красавиц, о которых так много говорится в их собственных романах, но которыми, похоже, не очень-то восхищаются молодые люди из Нью-Йорка и Сан-Франциско, приезжающие в Гладстонополис. Ева была совершенна в симметрии, в чертах лица, в цвете кожи и в простоте манер. Все языки для нее были одинаково легки в освоении, но это достижение стало настолько обычным в Британуле, что об этом мало кто задумывался. Я не знаю, чем она больше всего поразила наш слух – старомодным фортепиано и почти устаревшей скрипкой, или современным музOMETром, или более совершенной мелодикой. Было удивительно слышать, как она выражала мнение на собрании, посвященном строительству новых зданий колледжа, когда ей было всего шестнадцать лет. Но я думаю, что больше всего она тронула меня пудингом "ванька-встанька", который она приготовила своими прекрасными руками для нашего обеда в одно воскресенье в Литтл-Крайстчерч. А однажды, когда я случайно увидел, как она за дверью поцеловала своего молодого человека, я подумал, что очень жаль, что человек вообще стареет. Возможно, однако, в глазах некоторых ее самое яркое очарование заключалось в богатстве, которым обладал ее отец. Его овцы значительно увеличились в поголовье, долины были заполнены его скотом, он всегда мог продать лосося по полкроны за фунт, а фазанов по семь с пенсом за пару. Все процветало у Красвеллера, и все это должно было перейти Еве, как только его приведут в колледж. Мать Евы уже умерла, а второго ребенка не было. Красвеллер также вложил свои деньги в торговлю шерстью и стал компаньоном в доме Граундла и Граббе. Он был старше на десять лет, чем любой из его партнеров, но старший сын Граундла Абрахам был старше Евы, когда Красвеллер одолжил фирме свои деньги. Вскоре стало известно, кто станет самым счастливым человеком в республике. Это был молодой Абрахам, которого Ева поцеловала за дверью в то воскресенье, когда мы ели пудинг "ванька-встанька". Затем она вошла в комнату и, прикоснувшись к музOMETру и исполнила нам старый сотый псалом, подняв глаза к небу, словно с проявившимся нимбом вокруг головы в момент, когда она изливала свой голос.

Она была прекрасной девушкой во всех отношениях и была вполне счастлива до рассвета системы Установленного срока. Но в то памятное время, когда мы ужинали, мне впервые пришло в голову, что мой друг Красвеллер приближается к своему Установленному сроку, и мне пришло в голову задать себе вопрос, каковы могут быть пожелания дочери. Скорее, это было состояние ее чувств, которое запечатлелось в моем сознании. Совсем недавно он ничего не говорил об этом, да и она тоже. В то воскресное утро, когда они с дочерью были в церкви, поскольку Красвеллер придерживался старой привычки читать молитвы в особых местах в особый день, я обсудил этот вопрос с молодым Граундлом. В колледж еще никто не поступал. Трое или четверо умерли естественной смертью, но Красвеллер должен был стать первым. Мы договорились, что его будут посещать приятные гости до последней недели или двух, и я особо упомянул закон, который требует, чтобы он отказался от всякого контроля над своей собственностью сразу после поступления в колледж.

– Полагаю, он так и сделает, – сказал Граундл, выражая большой интерес к этому тоном своего голоса.

– О, конечно, – сказал я, – он должен сделать это в соответствии с законом. Но он может составить свое завещание до того самого момента, когда он будет сдан на хранение.

В тот момент у него оставалось около двенадцати месяцев. Я полагаю, что в общине не было ни одного мужчины или женщины, которые не знали бы точно день рождения Красвеллера. Мы уже ввели привычку татуировать на спинах младенцев день их рождения, и нам удалось также оперировать многих детей, появившихся на свет до принятия великого закона. Были и такие, кто не желал подчиняться не только сам, но и за своих детей, и мы ожидали неко-

тогого замешательства в этом вопросе. Конечно, был начат реестр, и уже были те, кто отказывался назвать свой точный возраст, но я давно следил за этим, и у меня была своя маленькая книжка, в которой были записаны "периоды" всех тех, кто прибыл с нами в Британулу, и с тех пор, как я впервые подумал о Установленном сроке, я был очень внимателен, чтобы точно отмечать рождения по мере того, как они происходили. Читатель поймёт, как важно со временем стало вести точные записи, и я уже тогда опасался, что после того, как меня самого сдадут на хранение, может возникнуть некоторая нехватка точности. Но мой друг Красвеллер был первым в списке, и в нашей стране не было никаких сомнений относительно точного дня его рождения. Вся Британула знала, что он будет первым, и что он должен быть сдан 13 июня 1980 года. В разговоре с моим другом я часто упоминал этот день, счастливый день, как я называл его до того, как познакомился с его настоящими чувствами, и он никогда не осмеливался отрицать, что в этот день ему исполнится шестьдесят семь лет.

До этого, я попытался описать его дочь Еву, но должен сказать и несколько слов о личных качествах ее отца. Он тоже был удивительно красивым мужчиной, и хотя его волосы были совершенно седыми, у него было меньше признаков старения, чем у любого пожилого человека, которого я знал раньше. Он был высоким, крепким и широким, и в нем не было даже намека на сутулость. Он всегда говорил четко и внятно, и был известен своим твердым голосом, которым он иногда выступал на некоторых наших десятичных чтениях. Мы установили сбор в одну десятую фунта, чтобы собранная таким образом сумма могла быть использована для украшения колледжа. Наше население в Гладстонополисе было настолько процветающим, что нам было так же легко собрать десять пенни, как и один. На этих чтениях любимым исполнителем был Габриэль Красвеллер, и некоторые завсегдатаи, готовые ради своего сиюминутного удовольствия расшатать всю звездную систему, начали шептаться, что Красвеллера не следует сдавать в колледж из-за красоты его голоса. К тому же трудности несколько усугублялись тем, с какой тщательностью и точностью он занимался своими делами. Он как никогда тщательно следил за своими стадами, а во время стрижки весь день торчал в шерстяном сарае, чтобы проследить за упаковкой шерсти и маркировкой тюков.

– Было бы жаль, – сказал мне однажды один британулец, человек гораздо моложе меня, – запереть старого Красвеллера и отдать бизнес в руки молодого Граундла. Молодой Граундл, несмотря на свое самомнение, никогда не будет знать и половины того, что нужно знать об овцах, а Красвеллер гораздо лучше подходит для своей работы, чем для праздной жизни в колледже, пока вы не покончите с ним.

В этих словах было много такого, что меня очень разозлило. По мнению этого человека, вся система должна была подстраиваться под особенности индивидуальной конституции. Человек, который так говорил, не мог ничего не знать об общей красоте Установленного срока. И он самым неуважительным образом отозвался о способе содержания в колледже. Я считал необходимым поддержать достоинство церемонии так, чтобы она выглядела как можно более непохожей на казнь. И эти проводы Красвеллера должны были быть первыми, и должны были, согласно моим собственным представлениям, сопровождаться особым изяществом и благоговением.

– Не знаю, что вы называете запирианием, – сердито ответил я. – Если бы мистера Красвеллера собирались тащить в тюрьму для преступников, вы не могли бы использовать более отвратительные выражения, а что касается того, чтобы покончить с ним, вы, я думаю, не знаете о методе, предложенном для того, чтобы добавить чести и славы к последним мгновениям в этом мире тех дорогих друзей, чьим счастливым уделом будет отойти от мирских бед среди любви и почитания своих собратьев.

Что касается фактического способа перехода, то на президентской площади состоялось множество обсуждений, и в конце концов было решено, что определенные вены должны быть вскрыты, а уходящий под воздействием морфия должен быть нежно погружен в теплую ванну.

Я, как президент Республики, согласился использовать ланцет в первых двух или трех случаях, намереваясь таким образом увеличить количество оказываемых почестей. В этих обстоятельствах я почувствовал горький укол, когда он сказал, что я "покончу" с ним.

– Но вы, – сказал я, – совершенно не поняли смысла этой церемонии. Несколько недоброжелательных слов, подобных тем, что вы только что произнесли, принесут нам больше вреда в умах многих, чем все ваши голосования принесут пользы.

В ответ на это он просто повторил свое замечание о том, что Красвеллер был очень плохим образцом для начала.

– В нем олицетворяется десять лет трудов, – сказал мой собеседник, – и все же вы намерены избавиться от него без малейшего сожаления.

Избавиться от него! Что за выражение! И это из уст человека, который был убежденным сторонником Установленного срока! Меня возмущала мысль о том, что люди должны быть настолько неразумны, чтобы делать выводы о целой системе на основании одного случая. Возможно, Красвеллер действительно был силен и здоров в Установленный срок. Но этот период был выбран с учетом интересов всего общества, и пусть ему придется уйти за год или два до одряхления, все равно он сделает это, имея вокруг себя все, что сделает его счастливым, и уйдет до того, как познает ужас головной боли. Глядя на весь этот вопрос глазами разума, я не мог не сказать себе, что лучшего примера триумфального начала нашей системы нельзя было бы найти. Но все же в нем было и нечто печальное. Если бы наш первый герой был вынужден оставить свое дело из-за старости, если бы он стал упускать множество деталей, скупым, или сумасбродным, или просто недалёковидным в своих деловых решениях, общественное мнение, которое не может быть более невежественным, поднялось бы в пользу Установленного срока.

– Как верны рассуждения президента! – сказали бы люди. – Посмотрите на Красвеллера, он разорил бы Литтл-Крайстчерч, если бы оставался там дольше.

Но все, что он делал, казалось, процветало, и в конце концов мне пришлось в голову, что он заставил себя проявить чрезмерную резвость, чтобы навлечь позор на закон Установленного срока. Если такое намерение и существовало, то я считаю его безусловно подлым.

На следующий день после обеда, на котором был съеден пудинг Евы, Абрахам Граундл пришел ко мне в Исполнительный зал и сказал, что ему нужно обсудить со мной несколько важных вещей. Абрахам был симпатичным молодым человеком, с черными волосами, яркими глазами и необыкновенно красивыми усами, он был человеком, талантливым в бизнесе, в руках которого фирма Граундл, Граббе и Красвеллер могла бы процветать, но мне самому он никогда особо не нравился. Мне казалось, что ему немного не хватает того почтения, которое он должен оказывать старшим, и, кроме того, он несколько чрезмерно любит деньги. Выяснилось, что, хотя он, без сомнения, был привязан к Еве Красвеллер, он не меньше думал о Литтл-Крайстчерч, и хотя он мог поцеловать Еву за дверью, как это принято у молодых людей, все же он больше стремился к овцам и шерсти, чем к ее губам.

– Я хочу сказать вам пару слов, господин президент, – начал он, – по вопросу, который очень тревожит мою совесть.

– Вашу совесть? – спросил я.

– Да, господин президент. Полагаю, вам известно, что я помолвлен с мисс Красвеллер?

Здесь уместно будет пояснить, что мой собственный старший сын, такой прекрасный мальчик, какой никогда не радовал глаз матери, был всего на два года младше Евы, и что моя жена, миссис Невербенд, в последнее время вбила себе в голову, что он уже достаточно взрослый, чтобы жениться на девушке. Напрасно я говорил ей, что все это было решено еще во время пребывания Джека в школе. Он был полковником учебного класса, как теперь называют старосту, но Ева тогда не интересовалась полковниками учебных классов, а больше думала об усах молодого Граундла. Моя жена заявила, что все изменилось, что Джек на самом деле

гораздо более мужественный парень, чем Абрахам с его блестящей бородкой, и что если бы можно было проникнуть в девичье сердце, мы бы узнали, что Ева думает так же. В ответ на это я посоветовал ей попридержаться языка и помнить, что в Британуле обручение всегда считалось таким же прочным, как и узы. "Я полагаю, что молодая женщина может передумать как в Британуле, так и в других местах", – сказала моя жена. Я прокрутил все это в голове, потому что склоны Литтл-Крайстчерча очень манят, и все они так скоро будут принадлежать Еве. И тогда было бы неплохо, раз уж мне предстояло исполнить для Красвеллера столь важную часть его последней церемонии, скрепить нашу близость семейными узами. Я подумал об этом, но тут мне пришло в голову, что помолвка девушки с молодым Граундлом была уже свершившимся фактом, и я не должен был санкционировать нарушение договора.

– О да, – сказал я молодому человеку, – мне известно, что между вами и отцом Евы существует соответствующая договоренность.

– И между мной и Евой, уверяю вас.

Наблюдая за поцелуем за дверью в предыдущий день, я не мог отрицать истинность этого утверждения.

– Это вполне понятно, – продолжал Абрахам, – и я всегда думал, что это должно произойти как можно быстрее, чтобы Ева могла привыкнуть к новой жизни до того, как ее папа будет сдан на хранение.

На это я лишь склонил голову, как бы давая понять, что это вопрос, который меня лично не касается.

– Я считал само собой разумеющимся, что мой старый друг хотел бы видеть свою дочь устроенной, а Литтл-Крайстчерч – переданным в руки его дочери, прежде чем он распрощается со своими собственными подлунными делами, – заметил я, когда обнаружил, что он сделал паузу.

– Мы все так думали в фирме, – сказал он, – и я, и отец, и Граббе, и Постлекотт, наш главный клерк.

Постлекотт – последующий, третий по счету, на отправку в колледж и стал очень меланхоличным. Но именно сейчас ему особенно не терпится посмотреть, как Красвеллер это перенесет.

– Какое отношение все это имеет к замужеству Евы?

– Я полагаю, что мог бы жениться на ней. Но он не составил никакого завещания.

– Какое это имеет значение? Еве никто не помешает принять наследство.

– Но он может уехать, мистер Невербенд, – прошептал Граундл, – и как мне тогда быть? Если он уедет в Окленд или в Сидней и оставит кого-нибудь управлять имуществом вместо себя, что вы сможете сделать? Именно это я хочу знать. Закон гласит, что он должен быть сдан на хранение в определенный день.

– В глазах закона он станет никем, – сказал я со всей властью президента.

– Но если он и его дочь поймут друг друга, если будет составлен акт, по которому Литтл-Крайстчерч будет оставлен попечителям, если он продолжит жить в Сиднее на хороших землях, получая все доходы и назначив попечителей законными владельцами, – где тогда должен быть я?

– В таком случае, – сказал я, потратив две или три минуты на размышления, – в таком случае, я полагаю, собственность будет конфискована по закону и перейдет к его естественному наследнику. Если его естественным наследником будет ваша жена, то это будет то же самое, как если бы имущество принадлежало вам.

Молодой Граундл покачал головой.

– Я не знаю, чего бы вы еще хотели узнать. Во всяком случае, большего вы ничего не услышите.

Признаюсь, в тот момент мне пришла в голову мысль о том, что у моего мальчика есть шанс добиться успеха с наследницей. Если верить словам моей жены, Джек набросился бы на девушку с такой же силой, как и она сама, и он поклялся своей матери, когда утром ему рассказали о поцелуе за дверью, что снесет голову этого грубияна с плеч еще до того, как пройдет несколько дней. Если посмотреть на дело только со стороны Джека, то мне казалось, что в этом случае Литтл-Крайстчерч будет в полной безопасности, пусть Красвеллер будет сдан на хранение, или даже убежит в Сидней.

– Вы не знаете наверняка о конфискации имущества, – сказал Абрахам.

– Я сказал вам столько, мистер Граундл, сколько вам подобает знать, – ответил я со всей строгостью. – Чтобы узнать точное условие закона, вы должны заглянуть в свод законов, а не обращаться к президенту республики.

После этого Абрахам Граундл ушел. Я напустил на себя сердитый вид, как будто обиделся на него за то, что он побеспокоил меня по какому-то пустяковому вопросу, отняв кучу невозполнимого времени. Но на самом деле он натолкнул меня на очень серьезные и глубокие размышления. Неужели Красвеллер, мой личный друг, человек, которому я доверил самые сокровенные тайны своей души в этом важном вопросе, – неужели он не захочет передать деньги и бизнес, когда наступит день? Может ли быть, чтобы он стремился бежать от своей страны и ее законов, как раз когда наступит время, когда эти законы коснутся его во благо этой страны? Я не мог даже подумать, что он настолько тщеславен, настолько жаден, настолько эгоистичен и настолько непатриотичен. Но это было еще не все. Если он попытается сбежать, сможем ли мы помешать ему? А если он все-таки сбежит, какой шаг мы должны предпринять дальше? Правительство Нового Южного Уэльса было настроено враждебно по отношению к нам по вопросу о Установленном сроке и, конечно, не выдаст его, подчиняясь какому-либо закону об экстрадиции. И он мог бы оставить свое имущество доверенным лицам, которые бы управляли им от его имени, хотя, насколько это касается Британулы, он был бы вне досягаемости закона и рассматривался бы даже как находящийся за гранью жизни. И если он, первый из приверженцев Установленного срока, сбежит, то мода на такие побегі станет общепринятой. Таким образом, мы избавимся от наших стариков, и наша цель будет достигнута. Но, заглядывая вперед, я с первого взгляда видел, что если один или два богатых члена нашего общества смогут таким образом сбежать, то будет почти невозможно выполнить закон в отношении тех, у кого нет таких средств. Но больше всего меня раздражало то, что Габриэль Красвеллер желает сбежать, что он стремится перевернуть всю систему, чтобы сохранить жалкие остатки своей жизни. Если бы он так поступил, от кого можно было бы ожидать, что он воздержится от подобного? Если он окажется лживым, когда наступит момент, кто окажется правдивым? И он, первый, самый первый в нашем списке! Молодой Граундл покинул меня, и, когда я сидел и думал об этом, у меня на мгновение возникло искушение полностью отказаться от Установленного срока. Но пока я оставался в тихом раздумье, ко мне пришли прекрасные мысли. Если бы я осмелился считать себя передовым духом своего века, и если бы меня отбросила назад человеческая слабость одного бедного существа, которое не собрало достаточно силы в своем сердце, чтобы смотреть смерти в лицо и смеяться над ней. Это была трудность – большая трудность. Возможно, это была та сокрушительная трудность, которая положила бы конец системе в том, что касалось моего существования. Но я вспомнил, сколько первых реформаторов погибло в своих попытках достичь цели, и как редко первому человеку удавалось преодолеть стены предрассудков и ворваться в цитадель разума. Но они не сдавались, когда все шло против них, и хотя они не довели свои взгляды до человечества, все же они упорствовали, и их усилия не были окончательно потеряны для мира.

– Так будет и со мной, – сказал я. – Пусть я никогда не доживу до того, чтобы положить на хранение человека в этом святилище, пусть я буду обречен глупыми предрассудками людей влачить жалкое существование среди горестей и бессилия старости, пусть мне никогда не будет

дано ощутить невыразимые утешения триумфального ухода, – все равно мое имя будет передано грядущим векам, и обо мне будут говорить как о первом, кто попытался спасти седые волосы от того, чтобы их с печалью уносили в могилу.

Я пишу эти строки на борту канонерской лодки "Джон Брайт", потому что тиранические рабы современного монарха схватили меня во плоти и везут в Англию, чтобы, как они говорят, вся эта чепуха о Установленном сроке могла исчезнуть из Британулы. Они думают, бедные невежественные воинственные люди, что подобная идея может погибнуть из-за того, что лишь один человек будет придерживаться её. Но нет! Идея будет жить, и в грядущие века люди будут процветать, и быть сильными, и преуспевать, незапятнанные жадностью и трусостью второго детства, потому что Джон Невербенд был в свое время президентом Британулы.

Тогда, когда я сидел и размышлял над вестью, переданной мне Абрахамом Граундлом, мне пришло в голову, что было бы неплохо увидеться с Красвеллером и честно поговорить с ним на эту тему. Иногда случалось, что своей силой я оживлял его пошатнувшееся мужество. Это предположение, что он может сбежать, когда приближается день ухода, или, скорее, что другие могут сбежать, было предметом некоторых разговоров между ним и мной.

– Что будет, – сказал он, – если они будут избегать?

Он намеревался намекнуть на возможный побег тех, кого собирались отдать на хранение.

– Люди никогда не будут настолько слабы, – сказал я.

– Я полагаю, вы заберете все их имущество?

– Все до единого пенни.

– Но собственность – это вещь, которую можно передать.

– Мы должны внимательно следить за такими. Может быть, появится постановление, знаете ли, *ne exeant regno*¹. Если мы окажемся в затруднительном положении, это будет последнее, что можно сделать. Но мне было бы жаль, если бы я был вынужден выразить свой страх перед человеческой слабостью какой-либо общественной мерой такого рода. Это было бы равносильно обвинению в трусости всей республики.

Красвеллер только покачал головой. Но я понял, что он покачал ею от имени всего человечества, а не только от своего собственного имени.

¹ латынь – не покидать королевство

Глава III. Первая проблема

Была уже середина зимы, и до 30 июня, когда, согласно всем нашим планам, Красвеллер должен был быть сдан на хранение, оставалось всего двенадцать месяцев. Полного года ему, несомненно, хватило бы, чтобы привести в порядок свои мирские дела и выдать дочь замуж, но не более чем хватило бы. Он по-прежнему занимался своими делами с энергией, удивительной для того, кто так скоро должен был удалиться от мира. Шерсть, для которого он разводил свой стада, все так же состригалась при его участии, как и ведение учетных книг. В этих обстоятельствах ему следовало бы оставить стада зятю, а самому заняться другими делами. В колледже должен быть год, посвященный последнему времени обучения, чтобы постепенно отучить ум от неблагородного искусства зарабатывания денег. Однажды я уже говорил ему об этом, но он был все так же сосредоточен, как и раньше, и его ум был прикован к записям о ценах на шерсть, которые приходили к нему с английского и американского рынков.

– Это все ради его дочери, – сказал я себе. – Если бы он был благословлен сыном, все было бы иначе.

Итак, я сел на свой паровой трехколесный велосипед и через несколько минут был в Литтл-Крайстчерче. Он возвращался после тяжелого рабочего дня среди стад и, казалось, был воодушевленным и осторожным одновременно.

– Вот что я тебе скажу, Невербенд, – сказал он, – у нас здесь будет грипп, если мы не будем следить за собой.

– Вы нашли симптомы этого заболевания?

– Ну, не совсем среди моих собственных овец, но я хорошо знаю признаки этого заболевания. Мои травы особенно сочные, и за моими отарами очень хорошо ухаживают, но я вижу признаки этого. Только представьте, что было бы со всеми нами, если бы грипп проявился в Британуле! Если бы он появился, нам было бы не лучше, чем австралийцам.

Возможно, это была тревога за дочь, но это было странно похоже на то личное чувство, которого от него ожидали двадцать лет назад.

– Красвеллер, – сказал я, – не могли бы мы зайти в дом и немного поговорить?

И я слез со своего трехколесного велосипеда.

– Вообще-то я очень занят, – сказал он, демонстрируя нежелание говорить со мной. – У меня там на лугу пятьдесят молодых жеребят, и я хочу, чтобы ужин им подавали теплым.

– Беспokoитесь о жеребятках! – сказал я. – Как будто у вас здесь не хватает людей, чтобы прокормить все поголовье, не утруждая себя. Я приехал из Гладстонополиса, потому что хотел вас видеть, а теперь меня отправляют обратно, чтобы вы занялись приготовлением горячего пюре! Заходите в дом.

Я вошел на веранду, и он последовал за мной.

– У вас самый прекрасно обставленный дом в республике, – сказал я, усаживаясь в двойное кресло и прикуривая сигару на внутренней веранде.

– Да, да, – ответил он, – здесь довольно уютно.

Он был явно меланхоличен и знал, с какой целью я приехал.

– Я не думаю, что в старой стране хоть одна девушка была обеспечена лучше, чем Ева. – сказал я, желая утешить его и в то же время подготовить к тому, что должно было быть сказано.

– Ева – хорошая девушка, добрая девушка. Но я совсем не уверен в этом молодом человеке, Абрахаме Граундле. Жаль, президент, что ваш сын не родился на несколько лет раньше.

На этот момент мой мальчик был на полголовы выше молодого Граундла, и гораздо лучшим образцом британульца.

– Но теперь, я полагаю, уже слишком поздно говорить об этом. Мне кажется, что Джеку даже в голову не приходит посмотреть на Еву.

Это был взгляд на дело, который, конечно, показался мне странным, и, похоже, свидетельствовал о том, что Красвеллер постепенно становится пригодным для колледжа. Если он не смог увидеть, что Джек безумно влюблен в Еву, то он вообще ничего не мог видеть. Но в данный момент я приехал в Литтл-Крайстчерч не для того, чтобы поговорить с ним о любовных делах двух детей. Меня беспокоило кое-что бесконечно более важное.

– Красвеллер, – сказал я, – мы с тобой всегда были согласны в этом великом вопросе Установленного срока.

Он посмотрел мне в лицо умоляющими, слабыми глазами, но ничего не сказал.

– Твой срок скоро наступит, и я думаю, что нам, как дорогим любящим друзьям, следует научиться обсуждать этот вопрос по мере его приближения. Я не думаю, что кому-то из нас следует бояться этого.

– Это все очень хорошо для тебя, – ответил он. – Я ведь старше тебя.

– На десять лет, я полагаю.

– Думаю, около девяти.

Это могло произойти из-за его ошибки в определении моего точного возраста, и хотя я был удивлен ошибкой, я не обратил на нее внимания.

– Вы не ведь не противник закона в его нынешнем виде? – спросил я.

– Могло бы быть и семьдесят лет.

– Все это мы уже обсудили, и вы дали свое согласие. Оглянитесь на мужчин, которых вы можете вспомнить, и скажите мне, на скольких из них жизнь не легла бременем в семьдесят лет?

– Люди такие разные, – сказал он. – Насколько можно судить о собственных способностях, я никогда не мог управлять своим бизнесом лучше, чем сейчас. Гораздо лучше, чем я могу сказать о молодом парне Граундле, который так хочет занять мое место.

– Мой дорогой Красвеллер, – ответил я, – не могло быть и речи о том, чтобы так устроить закон, чтобы варьировать срок в соответствии с особенностями того или иного человека.

– Но при таких суровых переменах, вы должны были посоветоваться со старшими.

Это было ужасающе для меня, что он, первый, кто получит из рук своей страны великую честь, предназначенную для него, уже позволил своему разуму восстать против нее! Если он, который когда-то был таким горячим сторонником Установленного срока, теперь повернул назад и выступил против него, как можно ожидать, что другие, которые должны были последовать за ним, сдадутся, пребывая в соответствующем состоянии духа? И тогда я свободно высказал ему свои мысли.

– Вы боитесь ухода? – сказал я, – боитесь того, что должно прийти, боитесь встретить как друга то, что вы должны встретить так скоро?

Я сделал паузу, но он сидел и смотрел на меня, не отвечая.

– Бояться ухода – разве это не самое большое зло в нашей жизни, коль оно необходимо? Разве Бог мог привести нас в этот мир, намереваясь так его покинуть, чтобы сам акт этого был воспринят нами как проклятие, настолько ужасное, что сведет на нет все блага нашего существования? Может ли быть, чтобы Тот, Кто нас создал, предполагал, что мы будем так относиться к своему уходу из мира? Учителя религии пытаются примирить нас с этим, и в своем тщетном рвении стараются добиться этого, представляя нашему воображению адский огонь, в который должны попасть девяносто девять человек из ста, и лишь одному будет позволено спастись на небесах, которые едва ли можно сделать более привлекательными для нас! Разве так можно успокоить человека при мысли о том, что он покинет этот мир? Но для нашего достоинства как людей необходимо, чтобы мы нашли способ сделать это. Лежать, дрожа и трясясь на кровати в ожидании черного ангела смерти, не подходит моей мужественности, которая ничего не боится, которая не боится и не будет бояться ничего, кроме своих собственных грехов. Как нам лучше подготовиться к тому дню, которого, как мы знаем, не избежать? Это

вопрос, который я всегда задавал себе, который задавали себе вы и я, и на который, как мне казалось, мы уже ответили. Давайте превратим неизбежное в то, что само по себе будет считаться славой для нас. Давайте научим мир смотреть в будущее с надеждой, а не с замиранием сердца. Я думал, что трону многих, не красноречием моих слов, но энергией моих мыслей; и вы, о мой друг, всегда были тем, кого я имел величайшую радость иметь рядом с собой как соратника моих устремлений.

– Но я на девять лет старше вас.

Я снова пропустил мимо ушей один год, прибавленный к моему возрасту. Теперь в такой пустяковой ошибке не было ничего страшного.

– Но вы все равно согласны со мной в том, что касается фундаментальной истины нашего учения.

– Полагаю, да, – сказал Красвеллер.

– Полагаю! – повторил я. – Это все, что можно сказать о философии, которой мы посвятили себя и в которой нет ничего ложного?

– Она не научит никого думать, что лучше жить, чем умереть, пока он в состоянии выполнять все функции жизни. Было бы очень хорошо, если бы вы могли устроить так, чтобы человека сдавали на хранение, как только он становится абсолютно немощным.

– Некоторые мужчины становятся немощными в сорок лет.

– Тогда поместите их на хранение, – сказал Красвеллер.

– Да, но они не признаются, что немощны. Если человек слаб в этом возрасте, он думает, что с годами он вновь обретет силу молодости. На самом деле, должен быть определенный период. Мы обсуждали это пятьдесят раз и всегда приходили к одному и тому же выводу.

Он сидел неподвижно, молчаливый, несчастный и растерянный. Я видел, что у него на уме что-то такое, чему он едва ли осмелится дать слова. Желая ободрить его, я продолжил.

– В конце концов, у вас есть еще целых двенадцать месяцев, прежде чем этот день наступит.

– Два года, – упрямо повторил он.

– Именно – два года до вашего ухода, но двенадцать месяцев до сдачи в колледж.

– Два года до колледжа, – сказал Красвеллер.

Это, признаюсь, меня поразило. В стране ничего не было известно лучше, чем возраст двух или трех первых жителей, которые должны были быть сданы на хранение. Я бы взялся утверждать, что ни один мужчина и ни одна женщина в Британуле не сомневались в точном возрасте мистера Красвеллера. Это было написано в записях и на камнях, принадлежащих колледжу. Не было никаких сомнений, что в течение двенадцати месяцев после этой даты он должен был стать первым жителем этого места. И вот теперь я был поражен, услышав, что он требует еще один год, чего ему никак нельзя было позволить.

– Этот наглец Граундл был со мной, – продолжал он, – и хочет заставить меня поверить, что он сможет избавиться от меня за один год. У меня, во всяком случае, есть еще два года жизни вне колледжа, и я не собираюсь ни дня из них отдавать ни Граундлу, ни кому-либо другому.

Было приятно видеть, что он все еще признает закон, хотя так подло стремится уклониться от него. В республике среди пожилых мужчин и женщин шептались о желании заручиться помощью Великобритании в отмене этого закона. Например, Питер Граундл, старший партнер Красвеллера, говорил, что Англия не позволит убивать постаревших людей. В этих словах было много такого, что меня возмутило. Слово "убивать" само по себе было особенно неприятно для моих ушей, для меня, взявшего на себя обязательство совершить первую церемонию как акт милосердия. И какое отношение Англия имела к нашим законам? Это все равно, как если бы Россия обратилась к Соединенным Штатам и заявила, что их Конгресс должен быть низложен. Что мог бы дать самый громкий голос Великобритании против малей-

шей искры закона, принятого нашей Ассамблеей? Разве что Великобритания соблаговолит воспользоваться своей огромной властью и таким образом подавить свободный голос тех, кого она уже признала независимыми. Как я сейчас пишу, именно это она уже сделала, и история должна будет рассказать об этом. Но особенно грустно было думать, что должен был найтись такой подлый, такой трусливый, такой предательский Британулец, чтобы использовать такой способ, как прибавить несколько лет к своей жалкой жизни.

Но Красвеллер, как видно, не собирался воспользоваться этими шепотками. Он задумал придумать какую-то неправду, с помощью которой он смог бы получить для себя еще один год жизни, а его будущий зять намеревался помешать ему. Прокручивая все это в голове, я не знал, кто из них двоих был более подлым, но думаю, что мои симпатии были скорее на стороне трусости старика, чем жадности молодого. В конце концов, я с самого начала знал, что страх смерти – это человеческая слабость. Искоренить этот страх в человеческом сердце и воспитать совершенную мужественность, которая должна быть освобождена от столь мерзкого рабства, было одной из главных целей моего плана. Я не имел права сердиться на Красвеллера, потому что Красвеллер, когда пришло время, оказался не сильнее, чем весь остальной мир. Мне было бесконечно жаль, что это так. Он был тем самым человеком, тем самым другом, на которого я полагался с уверенностью! Но его слабость была лишь доказательством того, что я сам ошибался. Во всей Ассамблее, принявшей закон, состоявшей в основном из молодых людей, был ли хоть один человек, на которого я мог бы положиться, чтобы он выполнил цель закона, когда придет его время? Разве я не должен был так устроить дела, чтобы я сам был первым, – отложить использование колледжа до того времени, когда я сам мог бы быть помещен в него? Эта мысль часто приходила мне в голову на протяжении всего этого срока, но тогда же я подумал и о том, что возможно никто не последовал бы за мной при таких обстоятельствах, когда я должен был бы быть первым!

Но в душе я мог простить Красвеллера. К Граундлу я не испытывал ничего, кроме личной неприязни. Ему не терпелось сдать на хранение своего теста, чтобы все владения Литтл-Крайстчерча перешли в его руки всего на год раньше! Несомненно, он знал точный возраст этого человека так же хорошо, как и я, но не ему было торопиться с этим. И тогда я не мог не подумать, даже в этот момент публичного несчастья, как охотно Джек помог бы старому Красвеллеру в его маленьком мошенничестве, чтобы Ева была вознаграждена. Я уверен, что он поклялся бы против собственного отца, лжесвидетельствовал бы под страхом правды, чтобы добиться от Евы той маленькой привилегии, которой, как я однажды видел, пользовался Граундл.

Я молча сидел на веранде Красвеллера, пока все это проносилось у меня в голове. Но прежде чем снова заговорить, я смог ясно увидеть, чего требовал от меня долг. Ева и Литтл-Крайстчерч, чувства и интересы Джека и все желания моей жены должны быть отложены в сторону, а вся моя энергия должна быть посвящена буквальному исполнению закона. Это был проект великого всемирного движения, и если он потерпит неудачу сейчас, в самом начале, когда все уже было готово к работе, то когда еще возникнет надежда? Это было дело, которое требовало законодательной санкции в любой стране, которая могла бы его принять. Ни один деспот не мог попытаться осуществить это, пусть даже его власть была бы весьма прочной. Вся страна восстала бы против него, если бы ей сообщили, в его неведении, о предполагаемом намерении. Этого не смог бы осуществить ни один конгресс, большинство членов которого не были бы моложе сорока лет. Я достаточно видел человеческую природу, чтобы понять ее слабость в этом отношении. Все обстоятельства сложились так, что в Британуле это стало возможным, но все эти обстоятельства могут никогда больше не сложиться. И мне казалось, что теперь все зависит от силы, которую я могу приложить, чтобы вселить мужество в сердце бедного робкого существа, сидевшего передо мной. Я знал, что если бы Британула громко воззвала к Англии, то Англия, с желанием влезть в чужие дела, которое всегда было ей свойственно,

вмешалась бы. Но если империя позволит начать действие закона в тишине, то, возможно, Установленный срок можно будет считать делом решенным. Как много, в таком случае, зависело от слов, которые я мог бы использовать!

– Красвеллер, – сказал я, – мой друг, мой брат!

– Я, видимо, не очень-то в этом разбираюсь. Человек не должен так стремиться убить своего брата.

– Если бы я мог занять твое место, Бог мне судья, я бы сделал это с такой же готовностью, с какой юноша бросается в объятия своей возлюбленной. И если за тебя, то почему бы не за брата?

– Вы не знаете, – сказал он. – Вы, по правде говоря, не были испытаны.

– Если бы вы могли испытать меня!

– А мы не все сделаны из такого материала, как вы. Вы говорите об этом до тех пор, пока не получите отставку и уход. Но ведь это не естественное состояние человека. Оглянитесь назад на все века, и вы увидите, что жизнь всегда была дорога лучшим из людей. И вы также поймете, что те, кто доводил себя до самоубийства, сталкивались с презрением своих собратьев.

Я не стал рассказывать ему о Катоне и Бруте, чувствуя, что римскими примерами мне не удастся возбудить в нем душевное величие. Он сказал бы мне, что в те дни, римляне не знали, что:

"О, если бы предвечный нам законом

Не запретил самоубийства!"²

Я должен достучаться до него другими методами, если это вообще возможно.

– Кто может быть более живым, чем вы, – сказал я, – в том, что человек под страхом смерти опускается ниже уровня животных?

– Если так, то он деградирует, – сказал Красвеллер. – Это его природа.

– Но должен ли он оставаться таким? Разве не в наших с вами силах поднять его на более высокий уровень?

– Не с моих, конечно. Я признаю, что я не более чем человек. Литтл-Крайстчерчер так приятен мне, и улыбки Евы, и ее счастье, и мычание моих стад и блеяние моих овец так благодатны для моих ушей, и так сладко моим глазам видеть, как я превратил эту пустыню в рай, что я готов остаться здесь еще немного.

– Но закон, мой друг, закон, – закон, который вы сами так активно создавали.

– Закон разрешает мне еще два года жизни, – сказал он и выражение упрямства, которое я заметил раньше, снова появилось на его лице.

Теперь это была ложь, абсолютная, несомненная, очевидная ложь. И все же это была ложь, которая, будучи просто сказанной, могла быть использована по назначению. Если бы в столице стало известно, что Красвеллер желает получить годовую отсрочку с помощью столь непристойной лжи, годовая отсрочка была бы ему предоставлена. И тогда Установленному сроку придет конец.

– Я скажу вам, в чем дело, – сказал он, желая представить мне свои желания в другом свете. – Граундл хочет избавиться от меня.

– Боюсь, правда на стороне Граундла, – сказал я, решив показать ему, что я, во всяком случае, не соглашусь содействовать распространению лжи.

– Граундл хочет избавиться от меня, – повторил он тем же тоном. – Но он не найдет, что со мной так уж легко справиться. Ева уже совершенно его не любит. Ева считает, что эта затея с предсмертным колледжем отвратительна. Она говорит, что ни один добрый христианин до этого не додумался бы.

² Гамлет

– Ребенок – милый ребенок, но все же только ребенок, и воспитанный матерью со всеми старыми предрассудками.

– Я мало что знаю об этом. Я никогда не знал порядочной женщины, которая не была бы христианкой. Ева, во всяком случае, хорошая девушка, раз пытается спасти своего отца, и вот что я вам скажу – еще не поздно. По моему мнению, Джек Невербенд в десяти случаях к одному лучше, чем Абрахам Граундл. Конечно, обещание было дано, но обещания – это как корка для пирога. Разве вы не думаете, что Джек Невербенд достаточно взрослый, чтобы жениться, и что ему нужно только сказать, чтобы он решился на это? Литтл-Крайстчерчер подойдет ему так же хорошо, как и Граундлу. Если он не слишком высокого мнения о девушке, то должен подумать об овцах.

Не высокого мнения о девушке! Как раз в эти дни Джек утром, днем и вечером говорил с матерью о Еве и угрожал молодому Граундлу всевозможными наказаниями, если тот будет упорствовать в своих притязаниях. Только вчера он грубо оскорбил Абрахама и, как у меня были основания подозревать, не раз ездил в Крайстчерч по каким-то тайным делам, о которых, по его мнению, необходимо было держать старика Красвеллера в неведении. И тут ему заявляют, что Джек не слишком высокого мнения о Еве и ему следует отдать предпочтение присмотру за овцами! Он бы пожертвовал всеми овцами в округе ради того, чтобы полчаса побыть с Евой наедине. Но он боялся Красвеллера, который, как он знал, одобрил помолвку с Абрахамом Граундлом.

– Я не думаю, что нам нужно втягивать Джека и его любовь в этот спор, – сказал я.

– Только, знаете ли, еще не поздно. Как вы думаете, можно ли уговорить Джека прислушаться к этому?

Да погибнет Джек! Да погибнет Ева! Да погибнет мать Джека, прежде чем я позволю подкупить себя таким образом, чтобы отказаться от великого смысла всей моей жизни! Это, очевидно, и было целью Красвеллера. Он пытался соблазнить меня своими стадами и отарами. Соблазн, если бы он знал об этом, был бы связан с Евой, – с Евой и настоящей, искренней, честной любовью моего галантного мальчика. Я знал также, что дома я не осмелюсь сказать жене, что мне было сделано предложение и я его отверг. Моя жена не смогла понять, Красвеллер не смог понять, как сильна может быть страсть, основанная на убеждении всей жизни. И честность, простая честность, запретила бы это. Чтобы я заключил сделку с человеком, уже предназначенным к уходу, – чтобы он был выведен из своего славного, почти бессмертного состояния за взятку мне и моей семье! Я называл этого человека своим другом и братом, но как мало он знал меня! Если бы я мог спасти весь Гладстонополис от неминуемого пожара, уступив хоть дюйм в своих убеждениях, я бы не сделал этого в моем тогдашнем состоянии духа; и все же этот человек, мой друг и брат, полагал, что меня можно заставить изменить убеждениям с помощью красивых склонов и тучных стад Литтл-Крайстчерча!

– Красвеллер, – сказал я, – давайте держать эти две вещи отдельно; или, скорее, обсуждая важный вопрос о Установленном сроке, давайте забудем о любви мальчика и девочки.

– Но овцы, и волы, и пастбища! Я еще могу составить свое завещание.

– Овцы, волы и пастбища тоже должны быть забыты. Они не имеют никакого отношения к решению этого вопроса. Мой мальчик дорог мне, и Ева тоже дорога, но ради спасения их молодых жизней я не могу согласиться на ложь в этом деле.

– Ложь! Здесь нет ни капли лжи!

– Тогда не нужно договариваться о Еве, и не нужно обсуждать стада и отары по этому поводу. Красвеллер, вам сейчас шестьдесят шесть, а в следующем году будет шестьдесят семь. Тогда наступит период вашей подготовки, а в следующем году, через два года, заметьте, наступит Установленный срок вашего ухода.

– Нет.

– Разве это не правда?

– Нет, вы перенесли все это на год вперед. Я никогда не был старше вас более чем на девять лет. Я помню все так хорошо, как будто это было вчера, когда мы впервые договорились уехать из Новой Зеландии. Когда вас нужно будет сдать на хранение?

– В 1989 году, – осторожно ответил я. – Мой Установленный срок – 1990 год.

– Точно, а мой на девять лет раньше. Он всегда был на девять лет раньше.

Все это было явной неправдой. Он знал, что это неправда. Ради одного несчастного года он умолял меня согласиться на подлую неправду и пытался придать своей мольбе силу с помощью взятки. Как я мог разговаривать с человеком, который так далеко отошел от достоинства мужественности? Закон был готов поддержать меня, и определение закона в данном случае было подкреплено многочисленными доказательствами. Мне нужно было только обратиться к исполнительной власти, главой которой я сам являлся, потребовать, чтобы в определенных документах был произведен поиск, и потребовать, чтобы тело Габриэля Красвеллера было передано земле в соответствии с принятым законом. Но не было никого другого, кому я мог бы поручить выполнение этой неблагодарной задачи, как само собой разумеющееся. В Гладстонполисе были олдермены, а в стране – магистраты, в обязанности которых, несомненно, входило следить за исполнением закона. Я сам тщательно подготовился к этому. Такие меры, несомненно, будут приняты, когда Установленный срок станет устоявшейся нормой. Но я давно предвидел, что первое отбытие должно быть осуществлено с некоторым блеском добровольной славы. Было бы очень пагубно для дела увидеть, как моего особого друга Красвеллера констебли тащат в колледж по улицам Гладстонполиса, протестующего против того, что бы он был принужден к гибели за двенадцать месяцев до назначенного срока. Красвеллер был популярным человеком в Британуле, и окружающие не будучи осведомлены об этом факте так, как я, и не имели бы тех же причин беспокоиться о точном соблюдении закона. И все же как много зависело от точности соблюдения закона! В первом случае особенно желательным было добровольное послушание, и именно добровольного послушания я ожидал от моего друга Красвеллера.

– Красвеллер, – сказал я, обращаясь к нему с большой торжественностью, – это не так.

– Это так, это так, я говорю вам, что это так.

– Это не так. Книги, которые были напечатаны и под присягой заверены, в которых ты сам и другие согласились, все против тебя.

– Это была ошибка. Я получил письмо от моей старой тети в Хэмпшире, написанное моей матерью, когда я родился, которое доказывает ошибку.

– Я хорошо помню это письмо, – сказал я, – ведь мы просматривали все подобные документы, выполняя важную задачу по урегулированию периода. Вы родились в Новом Южном Уэльсе, а старушка из Англии написала письмо только в следующем году.

– Кто это сказал? Как вы можете это доказать? Она вовсе не была женщиной, которая позволила бы себе лишь через год поздравить свою сестру.

– У нас есть ваша собственная подпись, подтверждающая дату.

– Откуда мне было знать, когда родилась? Пропади оно.

– И, к сожалению, – сказал я, как бы заканчивая тему, – существует Библия, в которой ваш отец указал дату со своей обычной образцовой точностью.

Затем он замолчал на мгновение, словно не имея больше никаких доказательств.

– Красвеллер, – сказал я, – неужели ты не достаточно мужественен, чтобы сделать это прямо и по-мужски?

– Один год! – воскликнул он. – Я прошу только один год. Я думаю, что, как первая жертва, я имею право рассчитывать на то, что мне дадут один год. Тогда Джек Невербенд получит Литгл-Крайстчерч, и овец, и скот, и Еву тоже, как свою собственность на веки вечные, – или, во всяком случае, пока его тоже не поведут на казнь!

Жертва и казнь! Такими словами говорить о великой системе! Для себя я твердо решил, что, хотя я буду с ним мягок, я не уступлю ни дюйма. Закон, во всяком случае, был на моей стороне, и я пока не думал, что Красвеллер согласится с теми, кто говорит о вмешательстве Англии. Закон был на моей стороне, как и все те, кто в Ассамблее голосовал за Установленный срок. Тогда был энтузиазм, и различные пункты были приняты большинством голосов. Была принята дюжина различных пунктов, каждый из которых касался различных сторон вопроса. Был определен не только срок, но и деньги на колледж, был определен режим жизни в колледже, были одобрены развлечения стариков, и, наконец, что не менее важно, был определен сам способ ухода. Теперь колледж был изящным зданием, окруженным растущими кустарниками и широкими приятными дорожками для стариков, с кухней, где их вкусы должны были учитываться, и с часовней для тех, кто хотел бы молиться; и все это стало бы посмешищем для Британулы, если бы этот старик Красвеллер отказался войти в ворота.

– Это должно быть сделано, – сказал я решительным, твердым тоном.

– Нет! – воскликнул он.

– Красвеллер, это должно быть сделано. Закон требует этого.

– Нет, нет! Не я. Вы и молодой Граундл вместе участвуете в заговоре, чтобы избавиться от меня. Я не собираюсь сидеть в тюрьме целый год до срока.

С этими словами он скрылся внутри дома, оставив меня одного на веранде. Мне ничего не оставалось, как включить электрическую фару моего трехколесного велосипеда и с грустным сердцем отправиться обратно в Дом правительства в Гладстонополисе.

Глава IV. Джек Невербенд

Прошло шесть месяцев, которые, должен признаться, были для меня периодом больших сомнений и несчастий, хотя и сменялись определенными моментами триумфа. Конечно, по мере приближения времени вопрос о проводах в колледж Красвеллера стал широко обсуждаться общественностью Гладстонополиса. То же самое произошло и с любовью Абрахама Граундла и Евы Красвеллер. В общине были "еваиты" и "авраамиты"; ибо, хотя брак еще не был окончательно разорван, было известно, что два молодых человека совершенно разошлись во мнениях по вопросу о проводах старика. Защитники Граундла, которых можно было найти по большей части среди молодых мужчин и молодых женщин, утверждали, что Абрахам просто стремился выполнять законы своей страны. Случилось так, что в этот период он был избран на вакантное место в Ассамблее, так что, когда вопрос был вынесен на обсуждение, он смог публично объяснить свои мотивы, и надо признать, что он сделал это добрыми словами и с определенной долей юношеского красноречия. Что касается Евы, то она просто стремилась сохранить оставшиеся годы жизни своего отца, и было слышно, как она высказывала мнение, что колледж был "сплошным надувательством" и что людям должно быть позволено жить столько, сколько угодно Богу. Конечно, с ней были пожилые дамы из общины, и среди них моя собственная жена, как самая старшая. Миссис Невербенд никогда раньше не занимала видного места ни в одном общественном вопросе, но по этому поводу она, казалось, придерживалась очень теплого мнения. Было ли это вызвано исключительно ее желанием способствовать благополучию Джека или размышлениями о том, что ее собственный срок проводов постепенно приближался, я так и не смог до конца определить. Во всяком случае, ей оставалось десять лет, и я никогда не слышал от нее никаких выраженных опасений перед уходом. Она была, и остается, храброй, хорошей женщиной, привязанной к своим домашним обязанностям, заботящейся о комфорте своего мужа, но сверх всякой меры заботящейся о том, чтобы все хорошее выпало на долю этого козла отпущения Джека Невербенда, для которого, по ее мнению, нет кого достаточно богатого или достаточно величественного. Джек красивый мальчик, я согласен, но это почти все, что можно о нем сказать, и в этом вопросе он был диаметральной противоположностью своему отцу с самого начала и до конца.

Очевидно, что при таких обстоятельствах ни один из этих моментов триумфа, о которых я упоминал, не мог прийти ко мне в моем собственном доме. Там миссис Невербенд, Джек, а через некоторое время и Ева заседали вместе в вечном совете против меня. Когда эти встречи только начались, Ева все еще признавала себя обещанной невестой Абрахама Граундла. В этом было и ее собственные клятвы, и согласие ее родителей, и, возможно, что-то от оставшейся любви. Но вскоре она прошептала моей жене, что не может не испытывать ужаса к человеку, который стремился убить ее отца, и мало-помалу она начала признаваться, что считает Джека прекрасным парнем. У нас был замечательный крикетный клуб в Гладстонополисе, и Британула пригласила английских игроков в крикет приехать и поиграть на Литтл-Крайстчерч-граунд, который они объявили единственным на сегодняшний день подготовленным полем для крикета на земле, обладающим всеми возможными достижениями для надлежащего проведения игры. Теперь Джек, хотя и был очень молод, был капитаном клуба и посвящал этому занятию гораздо больше своего времени, чем своему более необходимому торговому бизнесу. Ева, которая до сих пор не обращала особого внимания на крикет, внезапно стала страстно предана ему, в то время как Абрахам Граундл, с рвением не по годам, больше, чем когда-либо, отдался делам Ассамблеи и выразил некоторое презрение к игре, хотя он был неплохим игроком.

В этот период стало необходимым вынести на обсуждение Ассамблеи вопрос о Установленном сроке, так как считалось, что при нынешнем состоянии общественного мнения было бы нецелесообразно выполнять установленный закон без силовых санкций, которые дало бы

ему дополнительное голосование в Палате. Общественное мнение запретило бы нам проводить Красвеллера без дополнительных полномочий. Поэтому было сочтено необходимым задать вопрос, в котором имя Красвеллера не упоминалось бы, но который мог бы быть вынесен на общественные дебаты. Однажды утром молодой Граундл спросил, намерено ли правительство проследить за тем, чтобы различные положения нового закона о препровождении в колледж были немедленно приведены в исполнение.

– Палате известно, я полагаю, – сказал он, – что скоро должен быть создан первый прецедент.

Я могу в этом месте также отметить, что про это было сказано, в который раз, Еве, и она притворилась, что ей не по себе от такого вопроса ее молодого человека. По ее словам, это было очень неприятно, и после таких слов она должна была бросить его навсегда. Только через несколько месяцев после этого она позволила упоминать имя Джека вместе со своим собственным, но мне было известно, что между ней, Джеком и миссис Невербенд все было почти улажено. Граундл заявил о своем намерении действовать против старого Красвеллера в связи с нарушением контракта, согласно законам Британулы, но сторона Джека полностью пренебрегла этим. Рассказывая об этом, я, однако, продвинулся немного дальше того места в моей истории, до которого я уже довел читателя.

Затем возникли дебаты по всему принципу этой меры, которые проходили с большой теплотой. Я, как президент, конечно же, не принимал в них никакого участия, но, в соответствии с нашей конституцией, я все слышал с кресла, которое обычно занимал по правую руку от спикера. Аргументы, на которых делался наибольший акцент, были направлены на то, чтобы показать, что Установленный срок был выдвинут к рассмотрению в основном с целью облегчить страдания стариков. И было убедительно показано, что в подавляющем большинстве случаев жизнь после шестидесяти восьми лет – это суета и томление духа. Другие аргументы касаются дороговизны содержания стариков за счет государства на данный момент отброшены. Если бы вы послушали молодого Граундля, со всей пылкостью юности настаивающего на абсолютной нищете, на которую обречены старики из-за отсутствия такого закона, если бы вы услышали о страданиях от ревматизма, подагры, камней и общей слабости, изображенные в красноречивых словах двадцатипятилетнего юноши, вы бы почувствовали, что все, кто захочет способствовать увековечению такого положения вещей, должны быть обвинены в дьявольской жестокости. Он действительно поднялся на большую высоту парламентского мастерства, и в целом увлек за собой молодую и, к счастью, большую часть палаты. Оппозиции, по сути, нечего было сказать, кроме повторения предрассудков Старого Света. Но, увы, так сильны слабости мира, что предрассудки всегда могут победить истину одной лишь силой своих батальонов. Только после того, как это было доказано и передоказано десять раз, стало ясно, что солнце не могло спокойно стоять над Гидеоном. Красвеллер, который был членом парламента и занимал свое место во время дебатов, не решаясь говорить, лишь шепнул своему соседу, что бессердечный жадина не желает ждать шерсти из Литтл-Крайстчерча.

В ходе дебатов было проведено три голосования, и трижды сторонники Установленного срока побеждали старую партию большинством в пятнадцать голосов в палате, состоящей из восьмидесяти пяти членов. Настолько сильны были чувства в республике, что только два члена отсутствовали, и это число оставалось неизменным в течение всей недели дебатов. Я считал это триумфом и чувствовал, что старая страна, не имеющая никакого отношения к этому вопросу, не может вмешиваться в мнение, выраженное столь решительно. Мое сердце заколотилось от приятного волнения, когда я услышал, что старость, к которой я сам приближался, изображена в терминах, которые делали ее бессилие действительно ярко выраженным, – до тех пор, пока я не почувствовал, что, если бы было предложено сдать на хранение всех нас, достигших пятидесяти восьми лет, я думаю, что с радостью дал бы свое согласие на такую меру, сразу же ушел бы и сдал себя на хранение в колледж.

Но только в такие моменты мне позволялось испытать это чувство триумфа. Не только у себя дома, но и в обществе в целом, и на улицах Гладстонополиса я сталкивался с выражением мнения, что Красвеллера не заставят уйти в колледж в его установленный срок.

– Что может помешать этому?– сказал я однажды своему старому другу Раггсу.

Раггсу было уже немного за шестьдесят, и он был городским агентом сельских шерстяников. Он не принимал никакого участия в политике, и хотя он никогда не соглашался с принципом Установленного срока, он не был заинтересован в оппозиции к нему. Он был человеком, которого я считал безразличным к продолжительности жизни, но который в целом предпочел бы смириться с тем жребием, который предназначила ему природа, чем пытаться улучшить его какими-либо новыми реформами.

– Ева Красвеллер помешает этому, – сказал Раггс.

– Ева еще ребенок. Неужели вы полагаете, что ее мнению позволят нарушить законы всего общества и воспрепятствовать прогрессу цивилизации?

– Ее чувствам будут сочувствовать, – сказал Раггс. – Кто сможет противостоять дочери, ходатайствующей за жизнь своего отца?

– Один человек не сможет, но восемьдесят пять смогут это сделать.

– Восемьдесят пять будут для общества тем же, что и один будет для восьмидесяти пяти. Я ничего не говорю о вашем законе. Я не высказываю мнения, будет ли он хорошим или плохим. Я хотел бы дожить свой срок, хотя признаю, что на ваших плечах, люди из Ассамблеи, лежит ответственность решать, сделаю я это или нет. Вы могли бы выпроводить меня и сдать на хранение без всяких проблем, потому что я не пользуюсь популярностью. Но люди начинают говорить о Еве Красвеллер и Абрахаме Граундле, и я говорю вам, что всех ваших сторонников, которые есть в Британуле, не хватит, чтобы доставить старика в колледж и держать его там, пока вы его полируете. Он с триумфом вернется в Литтл-Крайстчерч, а колледж станет после этого развалинами.

Такой взгляд на дело меня особенно огорчил. Как главному судье общины, ничто не вызывает у меня такого отвращения, как бунт. Населению, которое не соблюдает законы, ничего нельзя предречь, кроме зла, в то время как народ, который будет соблюдать законы, не может не стать процветающим. Меня очень огорчало, когда мне говорили, что жители Гладстонополиса поднимут бунт и разрушат колледж только ради того, чтобы поддержать взгляды хорошенькой девушки. Есть ли честь, или, что еще хуже, есть ли польза в том, чтобы быть президентом страны, в которой могут происходить подобные вещи? Я оставил моего друга Раггса на улице и в очень тяжелом состоянии духа направился в исполнительный зал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.